УДК 82
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

Н.Б. Руженцева, Э.В. Будаев, Е.А. Нахимова
Уральский государственный педагогический университет

ГОРЬКИЙ ЮМОР В РАННИХ РАССКАЗАХ М.А. БУЛГАКОВА

Статья посвящена специфике юмора в ранних произведениях М. Булгакова. Горький юмор коррелирует с шуткой, имеющей негативно-оценочный фон. Посредством юмора М. Булгаков устанавливает границу между «своими» и «чужими» и репрезентирует диалектическое единство настоящего с великим культурным наследием прошлого.

Русская литература, М.А. Булгаков, признаки юмористического дискурса, горький юмор.

Литературоведение традиционно интерпретирует юмор как форму комического, противопоставленную сатире и имеющую ряд сходных, но не тождественных интерпретаций. Принятое в статье понимание юмора базируется, во-первых, на функциональной дифференциации иронии и юмора: юмор соотносится, скорее, с шуткой, а ирония – с насмешкой [1, с. 125; 2, с. 188; 3, с. 513]. Во-вторых, юмор имеет полюса оценки (положительный и отрицательный) и эмоциональную окраску. К.М. Шилихина выделяет иронию положительную (легкую, невинную, безобидную, благодушную и др.) и отрицательную (горькую, грустную, пошлую, резкую и др.) [15, с. 134]. То же самое можно сказать о юморе: эмоциональная составляющая важна для юмористического дискурса не менее, чем для дискурса иронического: «Эпитет описывает не только и не столько качество речи, сколько эмоциональное состояние говорящего» (Там же, с. 132). Как следствие – юмор может быть веселым, легким, тонким, грустным, горьким, доброжелательным, пошлым, а также соотнесенным с другими эмоциональными разновидностями данной формы комического.

Проблема, поставленная в статье, связана с выявлением специфики юмора в ранних рассказах М. Булгакова. Исследователи гораздо чаще обращаются к сатире М. Булгакова [10; 12; 16], чем к его юмору, однако мы разделяем мнение о том, что «амбивалентная природа булгаковского смеха изначально исключает чисто «обличительный», однозначно-отрицающий подход к явлениям современности» [5, с. 226]. Сказанное предполагает исследование в булгаковских текстах юмора в его текстовых репрезентациях и эмоциональных разновидностях.

При анализе юмора в ранних рассказах М.А. Булгакова мы опирались на основные признаки юмористического дискурса, выделенные В.И. Карасиком: «Юмористический дискурс представляет собой текст, погруженный в ситуацию смехового общения. Характерными признаками такой ситуации являются, на наш взгляд, следующие моменты: 1) коммуникативное намерение участников общения уйти от серьезного разговора; 2) юмористическая тональность общения, т.е. стремление сократить дистанцию; 3) наличие определенных моделей смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре» [4, с. 226]. Обратимся к текстовым репрезентациям юмора в раннем рассказе М.А. Булгакова «Неделя просвещения» и в девятой части автобиографического повествования «Записки на манжетах» – «История с великими писателями». Тексты рассказов взяты по изданию: Булгаков М.А. Записки на манжетах. Ранняя автобиографическая проза / сост., вступ. статья и примеч. В. Сахарова. М.: Худож. лит., 1988. 206 с.

«Неделя просвещения»

1. Коммуникативное намерение уйти от серьезного разговора связано в рассказе с его темой – попыткой приобщения к высокой культуре неграмотных солдат:

- Тут он <военком> на меня посмотрел еще раз и говорит:

- Ну, коли ты неграмотный, так я тебя сегодня вечером отправлю на «Травиату».

- Помилуйте, – говорю, – за что же? Что я неграмотный, так мы этому не причинны. Не учили нас при старом режиме [17, с. 100].

Юмористический эффект заключается в том, что неграмотный солдат воспринимает поход в оперный театр как наказание: *за что же?* – и пытается оправдать свою неграмотность действиями прежней власти: *Не учили нас при старом режиме*.

Усиление коммуникативного намерения достигается и композиционной рамкой рассказа: та же мысль (высокая культура – это наказание) повторяется и в конце текста:

Ушел я от него и задумался. Вижу, дело табак! Раз ты неграмотный, выходит, должен ты лишиться всякого удовольствия (Там же, с. 104).

Именно потому что грамотность – это способ избежать наказания и получить удовольствие, солдат идет учиться грамоте:

Думал, думал и придумал.

Пошел к военкому и говорю:

- Позвольте заявить!

- Заявляй!

- Дозвольте мне, – говорю, – в школу грамоты.

Улыбнулся тут военком и говорит:

- Молодец! – и записал меня в школу [17, с. 104].

2. Юмористическая тональность общения создается: а) посредством репрезентации в тексте рассказа разных точек зрения; б) посредством имитации устного разговорного общения носителей фамильярно-разговорного типа речевой культуры, воспроизведения в художественном тексте разговорных элементов – сигналов разговорности [11, с. 157].

А. Точка зрения – центральная проблема композиции [14] – проявляется в рассказе М. Булгакова в идеологическом плане и связана с проблемой просвещения. Точка зрения военкома – просвещать посредством высокой культуры нужно, прежде всего, неграмотных солдат. Однако солдат, от лица которого ведется повествование, имеет другую точку зрения на просвещение, предусматривающую лишь овладение массовой культурой:

Я и говорю:

- А нельзя ли мне, товарищ военком, в цирк увольниться вместо театра?

А он прищурил глаза и спрашивает:

- В цирк?.. Это зачем же такое?

- Да, – говорю, – уж больно занятно… Ученого слона выводить будут, и опять же рыжие, французская борьба… [17, с. 100].

Третья точка зрения – авторская. Автор в рассказе находится за текстом, но именно его точка зрения делает юмор в рассказе М. Булгакова горьким. Эта горечь связана с сожалением автора по поводу положения образованной части общества («грамотных»), которым новая власть ограничила доступ к культурным ценностям. Кроме того, горький юмор является попыткой установить границу между своими и чужими:

Видим, у загородки, где впускают народ, – столпотворение вавилонское. И среди наших неграмотных есть и грамотные, и все больше барышни…

- На каком основании, – кричит барышня, – как же так?

- А так, – говорит (контролер), – очень просто, потому пускаем только неграмотных.

- Но я тоже хочу послушать оперу или концерт.

- Ну если вы, – говорит, – хотите, так пожалуйте в Кавсоюз. Туда всех ваших грамотных собрали – доктора там, фершала, профессора…

Так и ушла барышня (Там же, с. 101).

Б. Имитация разговорного общения.

Разговорное общение может быть имитировано на всех уровнях языковой системы, и прежде всего – на лексическом уровне. Так, в разговорной речи «широко используются незначимые или малозначимые слова – сигналы неточности выражения, приблизительности» [11, с. 72], ср., например, использование малозначимых слов при пересказе главным героем действия «Травиаты»:

Обругал ее, на чем свет стоит, при всех.

Поет:

Ты, – говорит, и такая, и этакая, и вообще, – говорит, – не желаю больше с тобой дела иметь [17, с. 103].

Однако не менее важным является другое назначение разговорных элементов – функция характеризующая» [11, с. 157]. Речь идет о средствах речевой характеристики персонажа: разговорность может быть показателем его низкой культуры, необразованности, незнания литературной нормы, ср., например, отступление от нормы построения предложений в рассказе главного героя о посещении театра:

А тем временем занавеска раздвинулась, и видим мы на сцене – дым коромыслом! Которые в пиджаках кавалеры, а которые дамы в платьях танцуют, поют. Ну, конечно, и выпивка тут же, и в девятку то же самое [17, с. 102].

Прием речевой характеристики посредством намеренного нарушения литературной нормы может использоваться как на синтаксическом уровне, так и на лексическом: *в цирк увольниться вместо театра*; *первым делом на себя пенсне одел*; *окромя его, некому так здорово врезать на тромбоне*; *голос крепкий, густой – беривтон* (баритон – заимствовано из «Левши» А.Н. Лескова).

Нарушается и фактическая точность: так, отец Альфреда Жорж Жермон выступает в рассказе солдата под фамилией Любченко:

...Но только есть, оказывается, у этого самого Альфреда папаша под фамилией Любченко (Там же, с. 103).

В целом, разговорные и просторечные слова и выражения «играют на понижение» к «неграмотным»: к герою рассказа и его другу Пантелееву, провоцируя смеховую реакцию читателя: *Откуда ни возьмись, во втором действии он и шасть на сцену*; *Ну, Пантелеев, айда завтра в цирк*; *Опять Ломбард на тромбоне нажаривать будет? Оказия, прости господи, куда я, туда и он с своим тромбоном*.

3. Модели смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре, связаны в рассказе с жанром пародии, который позволяет второму автору «высмеять либо сам первичный текст, либо другое явление» [8, с. 261]. В рассказе «Неделя просвещения» высмеивается и ситуация, незнакомая неграмотным солдатам, и первичный текст (сюжет «Травиаты») в восприятии и изложении главного героя.

Пародирование ситуации с дирижером оркестром:

Смотрю, лезет на главное место огороженное какой-то… Влез, сел и первым делом на себя пенсне одел.

Я и спрашиваю Пантелеева (он хоть и неграмотный, но все знает):

- Это кто же такой будет?

А он отвечает:

- Это дери, – говорит, – жер. Он тут у них самый главный. Серьезный господин!

- Что ж, – спрашиваю, – почему ж это его напоказ сажают за загородку?

- А потому, – отвечает, – что он тут у них самый грамотный в опере. Вот его для примеру нам, значит и выставляют [17, с. 102].

Пародирование первичного текста (фрагмента оперы «Травиата»).

Говоря о ранней булгаковской прозе, литературоведы отмечают, что «она пронизана музыкой. Недаром писатель в конце жизни стал редактором-либреттистом Большого театра и говорил, что для него особенно ценна та музыка, которая помогает думать и способствует творчеству. В его повестях, романах и рассказах звучат любимые оперы «Фауст», «Травиата» и «Аида», Мусоргский, Римский-Корсаков, Вагнер и Бизе… [10, с. 9]. В свою очередь, пародия на

фрагмент оперы «Травиаты» полностью лишена музыкальности – это краткий пересказ сюжета человеком, который является носителем обиходно-бытового мышления и «просторечно-жаргонного типа речевой культуры» [13], ср., вульгаризованное изложение героем четвертого действия «Травиаты»:

И заболей она <Травиата> с горя в четвертом действии чахоткой. Послали, конечно, за доктором.

Приходит доктор…

Подошел к Травиате и запел:

- Будьте, говорит, покойны, болезнь ваша опасная, и непременно вы помрете!

И даже рецепта никакого не прописал, а прямо попрощался и вышел.

Ну, видит Травиата, делать нечего – надо помирать.

Ну, тут пришли и Альфред, и Любченко, просят ее не помирать. Любченко уж согласие свое на свадьбу дает. Но ничего не выходит.

- Извините, – говорит Травиата, – не могу, должна помереть.

И действительно, попели они еще втроем, и померла Травиата [17, с. 103].

Таким образом, эффект горького юмора в рассказе «Неделя просвещения» достигается: оппозиционностью текста («грамотные – неграмотные», «наши – ваши»); большим количеством разговорных элементов и намеренных дефектов речи, придающих тексту сниженный характер; вульгаризацией речи героев, а также высмеиванием окружающей действительности посредством пародийного разрушения первичной ситуации и первичного текста.

«История с великими писателями»

«История с великими писателями» входит в первую часть «Записок на манжетах», в которой рассказывается о начале литературной работы М. Булгакова. Рассказ посвящен выступлению автора-повествователя в программе «Вечер чеховского юмора» и «Пушкинский вечер» во владикавказском подотделе искусств.

1. Коммуникативное намерение уйти от серьезного разговора манифестировано автором уже в завязке рассказа (гротескном портрете Чехова): *Подотдельский декоратор нарисовал Антона Павловича Чехова с кривым носом и в таком чудовищном пенсне, что издали казалось, будто Чехов в автомобильных очках* [18, с. 116].

2. Юмористическая тональность общения достигается, во-первых, портретными описаниями писателей. Так, Пушкин на портрете изображен похожим на Ноздрева – героя «Мертвых душ», бесшабашного человека, обладающего огромной энергией:

Из золотой рамы на меня глядел Ноздрев. Он был изумительно хорош. Глаза наглые, выпуклые, и даже одна бакенбарда жиже другой. Иллюзия была так велика, что казалось, вот он громыхнет хохотом и скажет:

- А я, брат, с ярмарки. Поздравь: продулся в пух… (Там же, с. 117).

Во-вторых, в рассказе присутствует эффект усиленного ожидания, который хорошо известен в публицистике [6; 9]. Булгаков, имеющий опыт работы в СМИ, мастерски использовал его для смеховой реакции путем смены на эффект оправданного ожидания:

Боже! Публика решила, что после чеховского юмора будет пушкинский юмор! Обливаясь холодным потом я начал говорить о «северном сиянии на снежных пустынях словесности российской»… В зале хихикали на бакенбарды, за спиной торчал Ноздрев, и чудилось, что он бормочет мне:

- Если бы я был твоим начальником, я бы тебя повесил на первом дереве!

Так что я не выдержал и сам хихикнул. Успех был потрясающий, феноменальный. Ни до, ни после я не слыхал по своему адресу такого грохота всплесков [18, с. 118].

3. Наличие определенных моделей смехового поведения, принятого в данной культуре.

В рассказе «История с великими писателями» эти модели отражаются, прежде всего, в реакции публики на стимул – произведения Чехова и Пушкина. Это реакция как традиционная:

Слышал, как из зала понесся гул. Ура! Смеются. Молодцы актеры. «Хирургия» выручила и история о том, как чихнул чиновник.

Удача! Успех! (Там же, с. 117), так и парадоксальная (противоречащая здравому смыслу, расходящаяся с общепринятыми представлениями о творчестве художника слова), ср., смеховую реакцию публики на пушкинские «Маленькие трагедии», в которой смех совершенно не предусмотрен:

А дальше пошло crescendo. Когда в инсценировке Сальери отравил Моцарта – театр выразил свое удовольствие по этому поводу одобрительным хохотом и громовыми криками «BISS!!!» (Там же, с. 118).

Модель смехового поведения отражается также в реакции представителей нового мира на культурное мероприятие, проводимое подотделом искусств.

Это, во-первых, реакция прессы (намек на манифест футуристов «Пощечина общественному вкусу», в котором было предложено «сбросить Пушкина с парохода современности»), ср., пародию на газетную заметку:

ОПЯТЬ ПУШКИН!

Столичные литераторы, укрывшиеся в местном подотделе искусств, сделали новую объективную попытку развратить публику преподнеся ей своего кумира Пушкина. Мало того, что они позволили себе изобразить этого кумира в виде помещика-крепостника (каким, положим, он и был) с бакенбардами… и т. д. (Там же).

Во-вторых, это негативно-оценочная реакция красноармейца («тульского воина»):

Проходя в курилку, слышал, как красноармеец тосковал:

- Чтоб их разорвало с их юмором! На Кавказ заехали, и тут голову морочат!.. (Там же, с. 116).

Наконец, это реакция самого рассказчика:

Я не выдержал и сам хихикнул (Там же, с. 118).

В свою очередь, горький юмор рассказа М. Булгакова обусловлен диалектическим единством настоящего времени (существование интеллигенции на грани голода) и прошлого, связанного с великими именами русской литературы. Рассказ о литературном вечере помещен автором в композиционную рамку, свидетельствующую о тяжелом положении интеллигенции:

Начало: *Я читал вступительную статью «О чеховском юморе». Но оттого ли, что я не обедаю вот*

уже третий день, или еще почему-нибудь, у меня в голове было как-то мрачно.

Финал: *Кончено! Все кончено! Вчера запретили…*

…Идет жуткая осень. Хлещет косой дождь. Ума не приложу. Что же мы будем есть? Что есть-то мы будем?! [18, с. 118].

И все же ценности русской и мировой культуры остаются для Булгакова приоритетными, так как они помогают людям выжить в тяжелые времена. Этот мотив проходит через все рассказы, входящие в «Записки на манжетах»:

Какие имена на иссохших наших языках! Какие имена! Стихи Пушкина удивительно смягчают озлобленные души. Не надо злобы, писатели русские!..

Только через страдание приходит истина… Это верно, будьте покойны! Но за знание истины ни денег не платят, ни пайка не дают. Печально, но факт [19].

В целом, многие ранние рассказы М. Булгакова можно, на наш взгляд, считать текстами, в которых преобладает именно горький юмор. Горький – потому что фоном для основного повествования являются как страшные бытовые трудности, так и негативное отношение новой власти к интеллигенции. Юмор – потому, что действие рассказов погружено в ситуацию смехового общения, которая формируется спецификой текстовой ткани, установкой автора на комическое, тональностью (пафосом) текста и моделями речевого поведения, соотносимого с корпусом жанров (пародией и разными типами диалогов). Кроме того, М. Булгаков использует не насмешку, а именно шутку в адрес как «неграмотных», так и «грамотных» людей. Поэтому горький юмор можно определить как шутку, «встроенную» в негативно-оценочный фон. Именно этот фон сдвигает полюса оценки, добавляя негативно-оценочные оттенки смеху, который является основной целью юмора.

Булгаковский юмор в ранних произведениях имеет достаточно мягкую форму и связан с желанием автора внешне уйти от серьезного разговора и одновременно донести до читателя важнейшую мысль о спасительных идеалах русской и мировой культуры. Язвительная, беспощадная, едкая, презрительная булгаковская ирония начнется позже и будет связана с провалом масштабного социального эксперимента, свидетелем которого и являлся великий русский писатель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермакова, О. П. Ирония и ее роль в жизни языка / О. П. Ермакова. – Москва : Флинта, 2022. – 202 с.
2. Желтухина, М. Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики / М. Р. Желтухина. – Москва : Волгоград : Издательство ВФ МУПК, 2000. – 264 с.
3. Зарецкая, Е. Н. Риторика: теория и практика речевой коммуникации / Е. Н. Зарецкая. – Москва : Дело, 1998. – 480 с.
4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
5. Клейман, Р. Я. Мениппейные традиции и реминисценции Достоевского в повести М. Булгакова «Собачье сердце» / Р. Я. Клейман // Достоевский : Материалы и исследования. – Ленинград, 1991. – Вып. 9. – С. 223–230.
6. Лазарева, Э. А. Заголовок в газете / Э. А. Лазарева. – Свердловск : УрГУ, 1989. – 94 с.
7. Ляпун, С. В. Ирония в газетной публицистике конца XX – начала XXI веков: стилистический прием и стилевая тенденция / С. В. Ляпун // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. – 2009. – № 1. – С. 32–39.
8. Майданова, Л. М. Средства выразительного письма / Л. М. Майданова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2009. – 284 с.
9. Прохорова, К. В. Газетный заголовок: проблемы и функциональные возможности / К. В. Прохорова. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2005. – 80 с.
10. Сахаров, В. «Моему будущему биографу…» / В. Сахаров // Михаил Булгаков. Записки на манжетах. Ранняя автобиографическая проза. – Москва : Художественная литература, 1988. – С. 3–13.
11. Сиротинина, О. Б. Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи / О. Б. Сиротинина. – Москва : Просвещение : Учебная литература, 1996. – 175 с.
12. Соколов, Б. В. Булгаковская энциклопедия / Б. В. Соколов. – Москва : Локид, Миф, 1997. – 592 с. – URL: https://m-bulgakov.ru/publikacii/bulgakovskaya-enciklopediya-samoe-polnoe-izdanie/p116 (дата обращения: 14.11.2025). – Текст : электронный.
13. Стернин, И. А. Типы речевых культур / И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2013. – 23 с.
14. Успенский, Б. А. Семиотика искусства / Б. А. Успенский. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 360 с.
15. Шилихина, К. М. Семантика и прагматика вербальной иронии / К. М. Шилихина. – Воронеж : НАУКА–ЮНИПРЕСС, 2014. – Вып. 8. – 304 с. – (Аспекты языка и коммуникации).
16. Яблоков, Е. А. Они сошлись / Е. А. Яблоков // Михаил Булгаков. Владимир Маяковский: Диалог сатириков. – Москва : Высшая школа, 1994. – С. 5–56.
17. Булгаков, М. А. Неделя просвещения / М. А. Булгаков, Булгаков М. А. // Записки на манжетах. Ранняя автобиографическая проза / составитель, вступительная статья и примечание В. Сахарова. – Москва : Художественная литература, 1988. – С. 100–104.
18. Булгаков, М. А. История с великими писателями / М. А. Булгаков // Булгаков М. А. Записки на манжетах. Ранняя автобиографическая проза / составитель, вступительная статья и примечание В. Сахарова. – Москва : Художественная литература, 1988. – С. 116–118.
19. Булгаков, М. А. Мальчики в коробке / М. А. Булгаков // Булгаков М. А. Записки на манжетах. Ранняя автобиографическая проза / составитель, вступительная статья и примечание В. Сахарова. – Москва : Художественная литература, 1988. – URL: https://azbyka.ru/fiction/zapiski-na-manzhetah-bulgakov/#toc (дата обращения: 14.11.2025). – Текст : электронный.

N.B. Ruzhentseva, E.V. Budaev, E.A. Nakhimova

BITTER HUMOR IN THE EARLY STORIES OF M. A. BULGAKOV

The article is devoted to the specifics of humor in M. Bulgakov's early works. Bitter humor correlates with a joke that has a negative evaluative background. Through humor, M. Bulgakov establishes a boundary between “us” and “them” and represents the dialectical unity of the present with the great cultural heritage of the past.

Russian literature, M.A. Bulgakov, signs of humorous discourse, bitter humor.